

*Для чего пережила
тебя любовь моя?..*

Тамрико

Творчество – это тяжелый крест или дар Божий? Когда начинаешь творить, думаешь, что это дар, а когда уже что-то получается, когда творчески реализуешься, склоняешься к тому, что это тяжелый крест, который нужно нести. И ведь никто не заставляет это делать.

Бог – Творец. Человек – по образу и подобию Божьему создан. И он тоже творит. Когда человек творит – он постигает Истину и приближается к Богу.

В свою очередь, любое творчество, в том числе и поэзия, непостижимо, потому что оно безгранично и нет пределов его совершенству. Когда же человек проникает в какие-то тайны бытия, то, к сожалению, он за это расплачивается. Как расплатились Пушкин, Лермонтов, поэты Серебряного века, уйдя из жизни на творческом взлете, молодыми...

Но, может быть, мы и посланы на эту землю для того, чтобы творить...

Сергей Дровников

Сергей Дровников

КАРУСЕЛЬ СУДЬБЫ

Старый Оскол
2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2 Рос=Рус)6-5 Бел
Д 51

Дровников, С.И.

Д 51 Карусель судьбы [Текст] : избранное /
Сергей Дровников. – Старый Оскол : Изд-
во «РОСА», 2016. – 124 с.

ISBN 978-5-905922-62-6

Составитель сборника Тамара Гелашвили

Сергей Дровников жил и творил в Старооскольском округе Белгородской области. Его стихи и проза насыщены русским духом в форме и содержании, передавая то, что, казалось бы, невозможно выразить словами. Сергею Дровникову удалось найти идеальный порядок слов, отражающий мир чувств и мыслей.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2 Рос=Рус)6-5 Бел

ISBN 978-5-905922-62-6

© Дровников С.И.,
текст, 2016
© Изд-во «РОСА»,
оформление, 2016

ЖУРАВЛИ НАД РОССИЕЙ

Журавли над Россией

Меж плевков надоевших и матов
Крики птичьи я слышу вдали.
Это призрачным сонмом закатов
Над Россией летят журавли.

Это песня далёкого детства
Долетает с родной стороны,
Как простое, надёжное средство
От пробравшейся к сердцу вины.

Виноваты мы все, о Россия,
Так легко нам сегодня предать
Журавлей, что становятся синью,
Что вовек не устанут рыдать.

* * *

Не путаться у власти под ногами
Начальники твои учили нас.
И поняли мы истину с годами,
И пробил откровенья судный час.
Тебе, Россия, не нужны таланты –
Сковал тебя горбатый,
 липкий страх,
Но небо, небо смелые Атланты
Всё так же держат на земных руках.

Пушкину

Века слагая из мгновений,
Россия, ты ждала осечки.
Но пал от выстрела твой гений
На белый снег у Чёрной речки.
Ты с ним под дулом пистолета
Судьбой единою сливалась.
В тебя стреляли и в поэта,
И пуля та в тебе осталась.

* * *

Я о тебе, Россия, загрустил
В который раз безмерно, безнадежно,
Я эту землю сердцем любил
В который раз мучительно и нежно.
Великих рек святые берега
Я любил, на святость невзирая,
За тишину, за травы, за снега,
Твои снега от края и до края.
Мне дорог шум весёлых городов.
В урочный час с мечтой обыкновенной
Я приезжаю, будто бы на зов,
К твоим чертогам славы незабвенной.
И, надышавшись зеленью аллей,
Так неподдельно строгой и балетной,
Я возвращаюсь к сущности твоей,
Колодезной такой и раболепной.
Ведь не забыл я милое село,
Глаза икон, всё знавшие о Боге,
И мать мою, слепым ветрам назло
Весну встречавшую на той дороге.
Я о тебе, Россия, загрустил
В который раз безмерно, безнадежно,
Я эту землю сердцем любил
В который раз мучительно и нежно.

* * *

Я ещё не достоин твоих сыновей,
Что отмечены бронзовым нравом,
Но загадочной сутью и болью твоей
Я пропитан, как сладкой отравой.

Незлюбивая поступь и вера моя

Породнились с мятежной душою.

Мне по-прежнему чужды иные края,

Я пленён и отравлен тобою.

Мне особенно трудно себя удержатъ,

Не стонать и не стискивать зубы,

Когда бывших собратьев

враждебная рать

Надрывает надменные трубы.

Мне по-прежнему хочется комкать уют

Оголтелых газет пересужих

Там, где снова и снова тебя предают

Новоявленных кланов иуды.

У великой истории много потерь.

Мне по-прежнему дороги даты

Пожелтевших страниц и кровавых полей,

Где твои умирали солдаты.

Я ещё не достоин твоих сыновей

И не часто слагаю стихи я,

Но в застуженном сердце поёт соловей,

Когда слышится слово «Россия».

Откровение

Здесь, на этой земле, много
Бессердечных чужих людей.
Среди них я живу долго
Без тебя, без любви твоей.

Я отвык от святых красок
Поднебесного алтаря,
От хороших твоих сказок
В доме маленьком у огня,

От немного шальных споров,
Возникающих с пустяка,
Про принцессу с родным вздором,
Про Иванушку-дурака.

Я отвык от одежд строгих,
Оживающих на ветру,
От постов, без нужды долгих,
И натруженных в поле рук.

Ты ушла от меня рано
В ледяной, бездыханный крик.
Я от песен твоих, мама,
И от ласки твоей отвык.

Снова карты разбросаны

Снова карты разбросаны
По снегам, по траве.
У цыганки непрошеной
Всё одно в голове –

О России страдающей,
О глубинке с Москвой
Погадать, позабавиться,
Да и быть таковой.

Озлоблённый и судящий
Проливается яд.
О прошедшем и будущем
Карты всё говорят.

Я же с ними восторженно,
Беспощадно дерусь.
Я горжусь тобой, Родина,
Я люблю тебя, Русь.

Пусть кресты над могилами,
Над церквями кресты.

С топорами и вилами
Твои руки чисты.

Головой и подолами
Над судьбою склонясь,
Пред татаро-монголами
Ты ли падала в грязь?

До рассвета разбужена,
Потешая царя,
Ты ль на дыбе натруженной
Умирала зазря?

Городам, приумноженным
На костях и крови,
Ты ли звоном стреноженным
Обещала любви?

Как в оковы закована,
Не чуждаясь оков,
Ты ли, всеми оплёвана,
Знала праздность веков?

Город мой

Город мой над бескрайним долом,
Над разливом степной реки,
Тебя Старым зовут Осколом
Моей юности вопреки.

Ты просторы хранишь степные,
Беззаветны твои дела,
Помнят годы о них бывшие
Да церковные купола.

Лихолетье, война и голод
Нарушали седой покой,
Но как крепость стоял мой город
Над страдающею рекой.

И сегодня ты так же стоек,
Чужд заморских пустых идей
Самобытностью новостроек,
Непродажностью площадей.

И не верю порою в быль я,
В тишину, в твой безмерный свет.
Ты, как птица, расправил крылья
И летишь в двадцать первый век.

Над жнивьем, над бескрайним долом,
Над разливом степной реки
Тебя Старым зовут Осколом
Твоей юности вопреки.

Лермонтову

(к 170-летию гибели поэта)

*Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.*

М.Ю. Лермонтов

Случайностей на свете не бывает –
Ведь сказано: «В начале было Слово».
И вот поэт навеки умолкает.
На сгорбленной Руси ничто не ново.
Немало грёз нашёптывал Мессия
Таким, как он, сгорающим до срока.
Позволила «немытая Россия» –
И он убит так подло, так жестоко.
И вот она, немеркнущая слава!
При жизни бы такого не осилить.
Опомнилась великая держава:
И гимн ему поёт, и бронзу ширит.
А на земле всё так же, всё как прежде,
И ночь тиха, и звёзды как живые.
Их тишина является в одежде
Неповторимой, будто бы впервые.
И пусть слова молитвы откровенной
Поистрепались вскользь и понемногу.
Один, как Бог, пред оттиском Вселенной,
В который раз он выйдет на дорогу.

Прохоровское поле

Большое солнце в небе синем
Над полем Прохоровским ныне.
Здесь солнцем воздух напоённый,
Здесь строгость бронзы поимённой
В аллеях ладных.

В плену у ветра и кукушек
Здесь самолёт и пара пушек,
Здесь грозен танк на постаменте,
И тишина, и документы
В Музее Славы.

В небесных и земных законах
Здесь звонница о трёх колоннах
Роднит славянские народы,
И громкий колокол свободы
Взывает к миру.

Здесь полдень солнечный крылатый
Огнями вечности распятой
Горит над братскою могилой
И нескончаемую силой
Тревожит душу.

И тот, кто выжил в страшной битве,
Любовь и ненависть к молитве
По воле злой и Божьей воле
Вновь испытал на этом поле
За долю павших.

ЛИШЬ ОДНАЖДЫ

* * *

Детство моё деревенское
Беззаботное,
Небо синее, солнце красное,
Ты ль привиделось мне,
Померещилось?
Далеко-далеко, в невозвратную даль
Ты ушло от меня навсегда.
Вспоминаю я простор, избы белые,
Избы белые, сосны снежные,
Ледяной покой, взглядом тронутый.
Вспоминаю я луга, травы вольные,
Травы вольные предрассветные
Серебром росы напоённые,
Да вечерний свет золотой звезды,
Несказанный свет.
Не дотянется к нему сердце грешное,
Сердце грешное, беспокойное.
С ледяной горы не кататься мне,
В голубых прудах не купаться мне,
Тополей седых взоры светлые
Ни увидеть мне, ни забыть.

* * *

В заброшенном саду
на неприметной яблоне
Созрели яблоки золотые,
Похорошела яблоня.
Пораскинула отяжелевшие ветки
Над землёй желанной во все стороны.
Прилетали к ней птицы вещие
Поклевать золотых яблок.
Разговоры вели, о житье-бытье судачи-
ли.
Приезжали разбойники смелые
На конях черногривых
ближе к вечеру.
Беспощадно трясли яблоню,
Золотые яблоки в мешок складывали.
А сегодня по росе утренней
Приходила девушка милая,
Беззаботную песню пела,
Золотые яблоки руками трогала.
Что же я в этот сад не хожу,
Золотых не срываю яблок?

* * *

Меж домом и школой,
как будто подростый,
С безгрешным румянцем
зимы на щеках
Катается мальчик
на новых коньках
По скользкой дороге,
по луже замёрзшей.
И взор его ясен
и жизнь бесконечна,
Горячее сердце –
полуденный лёд,
Как будто в безоблачном
мире живёт.
Катается мальчик
легко и беспечно.
Поверивший многим,
не верит он в Бога,
И знает он мало
о бедах земных,
О том, что куда-то
от окон родных
Далёко-далёко
уходит дорога.

Подаяние

*Любовь, как радуга над полем,
пахнет звёздами и дождём.*

М. Танич

* * *

Пленённый сонмом дум,
Привыкший к непогоде,
Надену я костюм
По росту и по моде.

Пойду и посмотрю,
Как бледен мир и болен.
Подайте мне зарю
И радугу над полем.

Вас Бог благословит,
Заботливые люди.
Негаданной любви
Подайте, не убудет.

Подайте ту мечту,
Что к небу восходила,
И пьяную звезду,
Что с вечностью роднила.

Подайте ту весну,
Где соловей раздолен.
Подайте мне страну,
Где радуга над полем.

*Бог нашей драмой
Коротает вечность.
О. Хайям*

* * *

Щенок двух месяцев, дворняга,
Игривый и любопытный,
То и дело мешал своему хозяину
Заниматься повседневной
деревенской работой.

Путался под ногами, трепал хозяина
за штаны.

И поэтому был привязан
К дверному косяку сарая
на ненавистный поводок.

Немного поскулив от обиды
и безысходности,

Он попытался перегрызть
злополучную верёвку,

Но верёвка оказалась прочнее
его ожиданий.

И новоиспечённый невольник
Смирился со своим положением.

Его внимание привлекла оса,
Которая прилетела бог весть откуда
И мирно уселась на лежащее рядом
бревно.

Но отдохнуть ей не довелось.
Дворняга, забияка и лоботряс,

* * *

Вы были когда-то
 зелёными, листья,
Весенней порою,
 взъерошенным летом
Дышали простором
 и верили в солнце.
Шальными дождями
 поило вас небо.

Так что же вы теперь
 лежите на земле осенней
Померкшим золотом,
 опавшими надеждами?
И нет возврата вам
 в страну волшебную,
В святой, желанный сон,
 в беспечное блаженство.

Я тоже когда-то
 был молод и весел,
Не верил судьбе,
 нагадавшей разлуку.

Хранил я любовь,
 задыхаясь от счастья,
И дни золотые
 дарило мне небо.

Так что же я теперь
 скитаюсь по земле осенней
С печалью горькою,
 с угасшими надеждами?
И нет возврата мне
 в страну волшебную,
В святой, желанный сон,
 в беспечное блаженство.

Лишь однажды

У крыльца небольшого дома,
Несгорающая в огне,
На бескровном гнилом бревне,
Где плетень, где в стогах солома,
Вековая сидела тень.

Безразлично она смотрела
На солому и на плетень,
Будто знала земная тень,
К неземному стремясь уделу,
То, чего не познает брeнность.

Золотая листва и зимы
Припадали к её ногам.
К неизведанным берегам
Многокрылые Серафимы
Уносили их навсегда.

Петухи ли простор разверзнут,
Птица ль выпорхнет из гнезда,
Иль полуночная звезда
Покачнётся и канет в бездну, –
Всё едино и всё одно.

В доме этом, хранимом Богом,
С перекошенной трубой

Непонятною чередой,
Смея всуе мечтать о многом,
Жили люди, как дни живут.

Здесь шальные рождались дети,
Дровяная чадила печь.
Здесь родная звучала речь
И казалось, что жить на свете
Интересно и хорошо.

Но не верила тень немая
Ни в веселье, ни в звон монет,
Ни в загадочный лунный свет,
Ни тому, что весна нагая
Вновь приходит и любит всех.

Лишь однажды, почти под утро,
Когда в доме ещё темно,
Покидала она бревно
И шагала совсем нетрудно
По ступеням чужих надежд.

Проходила сквозь стены дома,
Доверялась забвенным снам
И потрескавшимся углам,
Будто жизнь эта ей знакома
И понятна, как запах трав.

Весна

Ещё не везде
 растаял снег,
Ещё по ночам
 тонкою коркой льда
Покрываются лужи,
Но уже завтра
 с первыми лучами солнца
Потянется к северу
 дикий караван гусей,
Но уже завтра,
 будто из забвения,
Вырвутся
 из едва пробуждённой земли
Строгие, нежно-зелёные
 побеги чеснока.
И вы скажете –
 это пришла весна,
Буйная, опрометчивая,
 долгожданная.

Осень

Лишь забрезжит рассвет осенний
Над простором земным бескрайним,
Прокричит журавлиным клином,
Строгим и беззащитным,
Одинокий старик безвестный
Вдрогнет в избушке ветхой,
Вдалеке от лихой молвы,
В стороне от дорог затерявшейся.
С надоевшей лежанки встанет,
По привычке обует валенки,
Спотыкаясь, крестясь и кашляя,
К журавлиному крику выйдет.

Ненапоенная корова

Две недели саженные
 не поил я корову.
Ту, что вижу во сне,
 будто бы наяву.
Ту, которая пьёт,
 будто воду желанную,
Строки новые,
 совершенные
 из самой души.
Их поэзией величают.
И вздыхает она терпеливо
 у ведра порожнего,
И глядит в ожиданье своём
 со двора
На слепого хозяина,
 о ней позабывшего.
А меня суета
 и дела одолели,
Растревожила сердце
 тоска постельная,
Вот и снится она,
 не воды колодезной,
А священного слова
 ждушая.

И как малый оброк,
 два ведра совершенства
Зачерпну я в душе своей,
 до краёв наполню,
Напою корову
 ещё раз досыта.
Видно, больше поить её
 некому.

У метелицы моей

У метели снег с крыла,
Сарафан к лицу.
Она по воду пошла
За околицу.
Коромысло, два ведра –
Кладь покорная,
Нынче в проруби вода
Ой студёная.
Нынче праздные мечты
В омут брошены
И неверные следы
Запорошены.
У метелицы моей
Много ли беды?
Зачерпни, да не пролей
Ледяной воды.
Ей бы досыта не пить
Хмель прозрения
И дорогу позабыть
До селения.
Вот и песню я сложил,
Да в бессонницу,
Будто по воду сходил
За околицу.

ЗЕРКАЛО

Я дойду до тебя

Наша жизнь коротка, сурова,
Много бед на земном пути.
Но любви неземное слово
До тебя мне велит дойти.
Я дойду до тебя судьбою
Через тысячи «да» и «нет»,
Как доходит до нас с тобою
Звёзд погасших волшебный свет.
Упаду к тебе снегопадом
В изнуряющий летний зной,
В зимний день нежным майским садом
Расцвету для тебя одной.
Пусть горю я в желанье пьяном –
И у солнца горят лучи.
Без тебя мне степным бурьяном
Одиноко стонать в ночи.
А к утру с ослабевшим стоном,
Задыхаясь в степной пыли,
Я к тебе колокольным звоном
Долечу хоть на край земли.
Долечу к тебе песней горной
В бесконечном порыве сил,
Ведь над пропастью птицей гордой
Я так долго один парил.

Кругом вода

Кругом вода, кругом ненастье,
И в целом мире только мы
В огне купаемся и счастье
Среди дождя и тишины.

Как будто из ковчега Ноя
На сушу мы с тобой сошли
И жар полуденного зноя
В сырую полночь принесли.

И, небу пасмурному вторя,
Играя чистою волной,
У наших ног чернеет море,
Покрывшись тайной вековой.

В судьбу заброшенного пляжа
Лишь наши судьбы вплетены,
Как два обретших плоть миража,
Ступили мы с простой волны

На берег сказочный ночной,
Где льётся дождь слезою жалкой,
Где безрассудный водяной
Гулял с хохочущей русалкой.

Лето остыло

Выпь предвестницей стонет где-то,
Странный ветер простор тревожит.
Это наше с тобою лето
До рассвета дожить не сможет.

Это наше с тобою счастье
Почему-то от нас уходит
В запылившийся день вчерашний,
В предосеннюю грусть мелодий.

Неужели сердца забудут,
Как безмерно мечтой дышали?
Удержать её, приголубить
Наши руки не догадались.

Ты давно не бывала в светлом,
Я куда-то бреду меж сосен.
Просто наше остыло лето,
Просто наша настала осень.

* * *

Пусть будет любовь твоя
неустанной рекою.
Нет, не той рекою
с кандалами мостов,
берегами бетонными,
В строгих правилах,
с постным видом,
неизвестно зачем
рождённой,
А рекою вольною
с лебедями дикими,
Чистотою манящей,
с водопадами и разливами.
Пусть живая вода желанная
не растратит в пути безумия,
К моей нежности истомившейся,
к морю вечному устремлённая,
Где морская вода солёная
с ещё пресной волной мешается
В неразгаданном поцелуе.

Первый снег

И выпал снег,
самый первый,
самый чистый.
Неосознанно,
просто так выпал.
Будто выстудил,
успокоил
Обнажённую плоть мою.
А надолго ли?
И пришла женщина ко мне
непорочная,
Обожгла меня поцелуями
неосознанно,
Просто так пришла,
по снегу первому.

* * *

Фата багряная осыпалась
С твоих берёз, с моих берёз,
Дорожкой солнечною выстлалась
К дождям невыплаканных слёз.

Грустит осенняя безделица
В твоих словах, в моих словах,
И всё, во что порою верится,
Мы помещаем в рукавах.

Похожие и всё же разные
Твоя рука с моей рукой,
Слепой любви рябины красные
Не наш встревожили покой.

Зеркало

Я в зеркало взглянул, была ты рядом,
И встретился с твоим случайным
взглядом.

И радость бытия, и сожаленье
В зеркальном я увидел отраженье.
Мечтой меж нами искра пролетела,
И вздрогнули душа моя и тело.
Как хмелем, затуманилось сознание.
Да, не напрасно было ожидание.
В сплетеньях рук, в смешеньях
душ нетленных,
В скрещённых двух непонятых
вселенных

Забудут о тревожном и печальном
Два сердца в отражении зеркальном.
Два сердца, две судьбы и два страданья
Сольются во единое дыханье,
Чтоб с небом и землёй на миг проститься,
Чтоб в ласках умереть и вновь родиться.
И в летний день и в зимние метели
Чтоб зеркала любви не потемнели,
Чтоб зависти глаза и кривотолки
Не превратили зеркала в осколки.

Прощайте, сны мои

Прощайте, сны мои, глаза невинные.
Прощайте, я прощаю вам обман.
Прощайте, руки тонкие и длинные,
Уж не касаться вас моим губам.
Прощайте и мечты и ожидания
Среди полночной гулкой тишины.
Я волей подавлю в себе желания,
И в этом нет, увы, моей вины.
И в этом нет ни мести, ни пророчества,
Лишь в мире стало больше пустоты,
Лишь в мире стало больше одиночества.
Меня уж не встревожишь снова ты.
Теперь, как опьянённый, я не путаю
Ни мысли, ни волшебные слова.
Проходит жизнь, минута за минутою,
И не кружится больше голова.
И не понять тебе души измученной,
В которой каплей станет океан,
В которой свет блеснул речной излучиной
И превратился в сумрачный туман.
Прощайте, сны мои, мечты наивные,
Прощайте, я прощаю вам обман.
Прощайте, руки тонкие и длинные,
Уж не касаться вас моим губам.

И, может быть, потому, что моя душа,
Затерявшаяся когда-то среди них,
Сегодня стала одним из этих камешков?
Ведь она, так же, как и они,
 никому не принадлежащая –
Ни солнцу, ни мраку,
 никогда не знала покоя.

Мне приснится...

Помолюсь, позабыв обиды,
Породнюсь я с дыханьем неба.
Бог услышит мою молитву,
И даст Он немного счастья.

Мне сегодня приснится море,
Мне сегодня приснится встреча
Там, где парусом ветер бредит,
Там, где берег живёт надеждой.

Мне сегодня приснится нежность
Запоздалая и святая,
Та, которая сердце лечит,
О которой поют свирели.

Мне сегодня приснится солнце –
Я не видел его так долго,
Белым лебедем невесомым
Оно будет лететь над морем.

* * *

О нас двоих одна молва
Про то, как любит нас природа.
Твои слова – мои слова.
Друг другу ближе год от года.

Ветра, продрогшие насквозь,
Пересекают нас ненастьем,
И слово «снег», и слово «дождь»
Перекликаются со счастьем.

У слова «солнце» яркий свет,
Игра лучей и жар полудней.
И краше праздников нам нет,
Чем эти радужные будни.

Ты в буднях этих не кружись.
Мы дети странного рассвета.
Ведь что такое слово «жизнь»?
Нам не дано на то ответа.

* * *

От судьбы не отступишь
Ни левой, ни правой.
Знаю, ты меня любишь
Больше жизни своей.

Знаю, время земное
Тишиною дрожит.
Оттого, что нас двое
Мне так хочется жить.

Верный новому кредо,
У молвы на виду.
Я за счастьем по следу,
Как собака иду.

ВЕЧЕР И МОРЕ

* * *

Этим летом памятным,
в месяце июле,
Просто так, от щедрости,
с чистого листа
Мне кусочек золота
подарило солнышко
И за тучку серую
скрылося вдали.
Я кусочек золота
взял в ладони робкие,
А затем за пазуху
спрятал до поры.
И пошёл по свету я
сирому да белому,
И подал копеечку
нищенке слепой.
Той, что странной ощупью
всё брела по городу,
Всё стучала посохом
вечности самой.

* * *

Свои одежды
неторопливо
сжигает вечность.
Как откровенья
над полем лжи
сияют звёзды.
И я без спичек
смогу зажечь
Святое пламя
моих стихов,
Моих надежд,
моей любви.

Золотые несутся сани

*Понтий Пилат Иисусу Христу:
«Что есть истина?»*

Евангелие от Иоанна

Вот и полдень от солнца жмурится
После вьюги, как после брани.
По заснеженной белой улице
Золотые несутся сани.
Всё с двумя суетными ликами,
Да по белому покрывалу,
Пепеля и взрывая бликами
Января ледяную залу.
Так в плену коридора странного
Пляшут мысли, вплетаясь в Лету.
И вопрос задаётся заново,
На который и нет ответа.
Пляшут мысли до дырок в темени,
На ладони судьбы стекают.
Не хватает как будто времени
И прозрения не хватает.
Вот и полдень от солнца жмурится
После вьюги, как после брани.
По заснеженной белой улице
В неизвестность несутся сани.

* * *

Это во мне бьётся сердце Вселенной,
Это во мне звучит музыка дождя,
Это я излучаю ослепительный
солнечный свет,
И это во мне живёт душа.
Многие имеют душу,
но не всякий умеет носить её.

И снова разум

И снова разум без сомненья,
Холодный разум снова прав.
И чувства пьяного мгновенья
Не посещают трезвый нрав.
Не потому ль иные судят
Им непонятные миры,
Легко, как будто хворост рубят,
Вонзают в душу топоры?
И не страшит их, не забавит
Привычный взмах безгрешных рук.
А может, чувства миром правят?
А может, праведники врут?

Кто примет, кто поймёт...

Кто примет, кто поймёт разумный
вздор,
Отверженный безликою толпою?
Кто дружеский поддержит разговор
И утром, и вечернею порою?
Кто путника усталого пленит
Не золотом, не щедрыми дарами –
Насущный хлеб рукою преломит,
Зажжёт свечу в низвергнувшемся
храме?
И, в вольности и в строгости слепа,
Послушная продажному кликуше,
Толпа, толпа, бездушная толпа
Казнит, казнит израненные души.

Одиночество

Ветер, ветер, холодный ветер
С пересвистами и дождём.
Бестолково живу на свете
Я, привыкший играть с огнём.

Мне заря над землёй распятый
Посылает святой огонь,
Льнёт к коленям моим собакой,
Тычет морду в мою ладонь.

Мне б погладить собаке спину,
Заблудиться в глазах огня,
Мне б созревшую в срок рябину
Отыскать на исходе дня...

Ветер, ветер и снова ветер
С пересвистами и дождём.
Одиноко живу на свете
Я, привыкший дружить с огнём.

Вот и скрипки под сердцем плачут
От забвения и мольбы,
Вот и кони по полю скачут,
По ту сторону от судьбы.

* * *

А на той стороне реки,
В улыбающемся саду
Полям стелются васильки,
Небом – яблоки на меду.

Там без умолку, без затей
Молодые ветра поют,
Стаей розовых лебедей
Воздыханные дни плывут.

Всякий страждущий одержим,
Но не каждый переплывёт
Эту реку печальных зим
И не каждый добудет мёд.

Я на той стороне бывал
И на счастье и на беду
Васильковую синь топтал,
Кушал яблоки на меду.

Небо

Пылинкой и малой, и тленной
Пришёл в этот мир я большой.
С огромной и вечной Вселенной
Сравнюсь я нетленной душой.
И слово, всеильное слово
Я звёздному небу дарю,
И снова, и снова, и снова
Я в небо, как в вечность, смотрю.
К нему, бесконечному свету,
Уплыл белый клин журавлей.
К нему, содрогая планету,
Гнал кто-то усталых коней.
И той же тропой незнакомой
На тот же загадочный зов,
Ступая ногой невесомой,
Пойду я по полю цветов.
Пойду, словно пленник на волю,
Свободный от бранных оков,
По полю, по звёздному полю,
Своих не пугаясь шагов.
И с былью смешается небыль,
Привычный разверзнется круг,
И небо, огромное небо,
Коснётся протянутых рук.

* * *

Рампы свет потревожил сцену.
Зал взревел, поднабравшись сил.
За игру неземную цену
Медный колокол попросил.

За игру, что зовётся жизнью,
Я безмерной плачу ценой –
Не слезой, не трусливой мыслью,
А последней своей игрой.

По углам разбежались тени.
Звон усилился ледяной,
На подмостки влекут ступени –
Обрываются за спиной.

Два города

Два города, сожжённые дотла,
Предвестники вселенского раздора, –
Содом один из них, другой Гоморра, –
В небесные звонят колокола.

Я слышу этот непрестанный звон,
Проверен слух, надёжен и беспечен.
Как будто я и холоден и вечен,
Как будто мир для праздности рождён.

Воспевшие земную благодать
Не ведали безудержных желаний,
Их души далеки от наказаний.
Кто не грешил, тому и не страдать.

Былых столетий грешная зола
К ним простирает руки провиденья,
И новый день, рождённый
 для сожженья,
В небесные звонит колокола.

* * *

Просыпана по ангельскому следу
Мечты моей наивная зола.
Проя у Бога мира и тепла,
Я снова протираю руки к небу.

О Господи, единственный, о Боже,
С укором и печалью на челе,
Прости нам, согрешившим на земле,
Спаси нас от забвенья, если сможешь.

* * *

Понятной дорогой к Богу,
С икон обметая грязь,
Мы будто шагаем в ногу,
Бездушно в толпе молясь.

А в душах, как в ветхом храме,
Тревога у нас и мгла,
Мы снова отвергли камень,
Что был во главе угла.

Мечтая о новом хлебе,
Сомнений кровит погост,
И пусто без туч на небе,
И страшно в ночи без звёзд.

Снегопад

Уйду я из тесных комнат
На улицу невпопад,
И встретит меня огромный,
Снежинками, снегопад.

Без усталы, не считая,
Рождает их высота
И музыкой рассыпает
Неведомая рука.

Сама по себе, бесследно
Покинет меня печаль,
И маленькою вселенной
В душе отзовется даль.

Обиды рука загладит,
В поход позовёт труба,
И хватку свою ослабит
Оскаленная судьба.

И вечер огни размечет,
Как будто на новый лад,
И раны души залечит
Снежинками снегопад.

* * *

Мороженого стаканчик,
Надкушенный кем-то и брошенный
На тротуар заснеженного города.
По тротуару проходят люди,
Недобрый ветер пронизывает
их одежды.

Холодно в городе и неудобно.
Одинокий воробей,
Голодный и потрепанный,
Пугливо и простуженно клюёт
мороженое.

С нетерпением и жадностью глотает
несоразмерные
С его возможностями куски,
То и дело вспархивает и озирается
по сторонам
Выпученными от страха глазами.

Но люди проходят мимо, не обращая
на него внимания,
И только ветер, порывистый
и холодный,
Беспощадно набрасывается на почти
невесомое тельце,
И только время течёт в этом городе
болезненно и беспокойно.

* * *

Я душу износил; ни счастья в ней,
ни слога.
Я слишком горячо и верил, и влюблялся.
В незапертую дверь отчаянно стучался,
Средь ангелов смешных я не увидел Бога.

В замену счастью – гнёт, в замену Богу –
люди,
Завистливы они, горды и недовольны,
Всё зная наперёд и делая мне больно,
Так безответно врут, так беспощадно
судят.

От грозной слепоты, оскаленного гнёта
Мне некуда сбежать, мне не за кем
укрыться,
И некого любить, и некому молиться.
Есть тело у меня, нет крыльев для полёта.

А небо надо мной поигрывает синью,
Прозрачна и чиста земная атмосфера,
У солнечных лучей – божественная вера
В берёзовую дрожь и вечную Россию.

Когда в глазах моих усталость

Когда в глазах моих усталость,
Когда поднять не в силах ног,
Мне не нужна людская жалость –
Среди толпы я одинок.
Я в мыслях тело покидаю,
Я с тенью призрака сольюсь.
Лишь знает Бог, где я бываю,
Где я исчезну, где явлюсь.
Когда у жизни нет просвета,
Когда в душе пустая грусть,
Мне не нужны ничьи советы –
Я в лунном свете растворюсь.
И вместе с лунными лучами
Спокойной, вечной чередой
Являться буду я ночами
То духом, то самим собой.
Когда надежда вновь обманет,
Я стану скошенной травой.
Когда мечта печалью станет,
Прольюсь я каплей дождевой.
И вместе с каплями другими
Смешаюсь непогожим днём.
И, затерявшись между ними,
Туманом стану и дождём.

Молитва

Дающему в изобилии
нам, страждущим, хлеб насущный,
немеркнущий свет хранящему,
Как многие до меня,
земные и недостойные,
хвалу воздаю Тебе я
И с просьбою обращаюсь:
«О Господи, Боже Праведный,
Всевидящий, Неподкупный,
нам, бранным и неразумным,
долги и грехи прощающий,
услышь моё покаяние
и счастьем, что где-то рядом,
как водится, заблудилось,
сполна напои меня,
как мальчик поит котёнка
из блюдечка молоком,
смешного и непослушного».

Слепые кони

*Вдоль обрыва, по-над пропастью,
По самому по краю
Я коней своих нагайкою
Стегаю, погоняю...*

В. Высоцкий

Торопился я к ней,
 то к обрыву, то к храму,
От безумных идей
 возвращался к иконе.
Путал ангельский лик
 с ликом ветреной дамы,
И храпели мои
 ошалевшие кони.
Я крестил небеса
 непослушной рукою.
Любят вольный напев
 все дороги прямые.
Но иною судьбой,
 но дорогой кривою
Побрели мои кони
 по свету слепые.
Удивленье и страх
 у прохожих на лицах,

Оттого на века
даль чиста и открыта.
Но ослепших коней
погоняет возница.
По канавам копыта,
по душам копыта.

То плетутся они,
то слетают с откоса,
Пустословью на суд,
любопытству на диво.
Эх, пришла бы она –
ни слезы, ни вопроса,
А взяла б под уздцы
да сводила б к обрыву.

Тишина при свечах

Нет, не просто живу я.
Нет, не просто дышу.
Время с сердцем рифмуя,
На бумаге пишу.

Остановится время,
Будто пуля в виске, –
Рифм желанное семя
Проращёт на листке.

Их возникшие лица
Твердь и смысл обретут.
За страницей страница
Мою душу соткут.

В них моё вдохновенье
О любви говорит,
В них земное рожденье
Несказанной зари.

И не верьте вы серой
Недомолвке в ночах,

Так наполнена верой
Тишина при свечах.

То не свечи сгорают,
Не в камине дрова –
Ветры время читают,
Произносят слова.

Посвящается...

Когда перо уставшего поэта,
Разбавленное бытом неотложным,
Насущными, ничтожными делами,
Что хламом оседают повседневным
Во времени бумажном и пространстве,
Не сможет не услышать этот зов,
Знакомый и загадочный, как вечер
Со звёздами и знаками на небе,
Не смеет не откликнуться на голос
Божественный, особенно манящий
В минуты творчества,
Умолкнут рифмоплёты и бретёры,
Душа вздохнёт,

как шелуху, развеет в ночь
Чужую ложь и зависть неприкрытую,
В который раз из пепла исполином
она восстанет.

И он пойдёт по девственной тропе,
Нехоженой никем со дня творенья
мира.

На скрещенье надежд

На скрещенье надежд раскрыта
Откровенья святая книга,
Неизвестная мне доселе.
Нет начала в ней, нет конца.

Я листаю её страницы,
Я читаю слова руками.
Чутким отблеском беспокойным,
Неразгаданной чередой

Дышат строки, тревожат душу,
Воплощаются в ладный хор
То ли ангелов беззаботных,
То ли жаждущих крови псов.

Всё тревожнее, ближе пенью,
Твердь венчается с пустотой.
Скачут строки тропой неровной,
Приближаются к западне,
Будто лошади, будто лошади,
Будто лошади в табуне.

Олень Золотые Рога

Где кончается день,
 где судьбы берега,
Там пасётся олень
 Золотые Рога.
Между ночью и днём,
 за седой тишиной,
В совершенстве своём
 бродит он под луной.
Бродит он под дождём
 и средь вечной пыли,
В совершенстве своём
 не касаясь земли.
А касается он
 света первой звезды,
Оставляя, как сон,
 за собою следы.
Все следы без греха,
 золотой чистоты.
В них босая ольха,
 тишина и цветы.
С них сомненья слетят,

будто ветры с руки.
Где пройдёт его взгляд,
там всегда родники,
А где плачет сирень,
где могила строга,
Там склоняет олень
золотые рога.

Хлеб, который я купил в киоске

*В начале было Слово...
Евангелие от Иоанна*

И та, которую я любил,
 проходит мимо меня с другим,
Более «полезным», волевым.
Она уже не кидается в любовь с головой.
Она разборчива.
Я посмотрел на них
 спокойным невидящим взором
И подумал:
«Так будет лучше,
Ведь у меня своя дорога».
Машина вырулила мне навстречу.
Я отошёл в сторону,
 чтобы пропустить её.
Но она остановилась.
Сидящий в ней мужчина
 позвал меня.
С ним была девушка –
Видимо, жена его.
Он протянул мне руку.
В ответ я подал свою.
Маленькая монета
 оказалась в моей ладони.
Я поспешил вернуть монету обратно.
Но она упала в песок.
И я подумал:

«Так будет лучше.
Её найдут мальчишки
и обрадуются».
И пошёл дальше, до боли знакомой,
своей дорогой.
И протянул свою монету
в открытое окошечко,
чтобы купить хлеба.
«Давай», – сказала женщина,
сидящая в киоске,
И посмотрела на меня,
как смотрят многие, –
Быстрым, оценивающим,
всё расставляющим на свои места
взглядом.
Она не знала, что я, невидящий,
Тоже посмотрел на неё.
Она не знала, что мне достаточно было
одного её слова,
Чтобы увидеть больше,
чем увидела она.
Я пришёл домой и подумал:
«Неплохо бы выпить,
Я могу выпить один.
У меня нет друзей,
Но есть вино,
есть салат – пища богов –
и хлеб,
который я купил в киоске».

Вечер и море

Приходил вечер к морю,
 тихий, неторопливый,
Запирал ворота железные
 на замок тяжёлый,
Зажигал огни далёкие
 золотые,
Посылал собаку чёрную
 устрашить море,
Море вечное, непокорное.
И служила собака вечеру,
Будто преданный раб хозяину,
 ревностно, неустанно.
На седой прибой она
 громко лаяла.
Её слышали волны быстрые,
Её видела чайка белая,
Чайка белая, эх свободная,
Как душа моя.

* * *

Печалью счастье отзовется,
И за меня всё решено.
Заря подстреленная бьётся
Созревшим яблоком в окно.
Забыть бы раненое тело,
Зарю по-прежнему зажечь,
Но стынут мысли то и дело
И суета не стоит свеч.
Сентябрь взывает к нездоровью,
Он проливается дождём,
Небесной суетною кровью,
И вечность грезится жнивьём.

Я прошу,
поднимите занавес

Так кричала толпа слепая
В исступленье своём «распни»,
Так шептала душа живая
Всепрощающее «прости».
Дайте сердцу вина и зрелищ,
Дайте жертву слепой толпе,
Предо мной поднимите занавес,
Чёрный занавес поднимите.
Я жестокой судьбе не верю,
Пошутили со мной и хватит,
Занавесили чёрным бархатом
Декорации и актёров.
Но продолжить желает пьесу
Под привычным названьем
«ЖИЗНЬ»
Замечательный режиссёр.
И играют весну актёры
На обманчивых струнах дьявола
Так старательно, так реально,
Будто занавес не опущен.
Крики «браво», аплодисменты,
Кровь на сцене и в душах кровь.

Всё смешалось, и нет антракта
Уже много веков подряд.
Ведь кричала толпа слепая
В исступленье своём «распни»,
Ведь шептала душа святая
Всепрощающее «прости».
Дайте сердцу вина и зрелищ,
Дайте жертву слепой толпе.
Я прошу, поднимите занавес,
Чёрный занавес поднимите.

* * *

Тихий подмосковный городок,
в перекрёстках и зелени,
Расположился неподалёку
от большого аэродрома.

Я приехал погостить в этот город
к необычной девушке,
совсем не похожей на других.
С ней живёт её маленькая сестрёнка,
едва научившаяся говорить.

В одной из комнат их квартиры
я играл с девочкой
в огромный, почти невесомый
мячик.

В открытую форточку
доносился гул взлетающих самолётов.
Но девочка, увлечённая игрой,
их не слышала.

Я же не мог так просто и так скоро
забыться.

Мою сущность тяготил извечный
вопрос:

Зачем мы приходим в этот мир,
Такой реальный и такой призрачный,

Мы любим и ненавидим,
 строим города и самолёты,
Ждём с надеждой день завтрашний,

Забывая порою о дне сегодняшнем,
 и уходим, уходим в небытие,
 ничего не взяв с собою.

Очередной авиалайнер,
 видимо, тяжелее других,
Борясь за своё существование,
С надрывным рёвом оторвался
 от земли.

«Что это?» – спросила девочка,
Возвращаясь из игры, как из
 сновидения.

«Это взлетел самолёт», – ответил я.
Она ненадолго задумалась и сказала:
«Я знаю, он полетит на небо,
Высоко-высоко,
 и ляжет там спать».

* * *

Время – оно течёт незаметно,
Так же незаметно, как растут дети.
Мгновения – это мельчайшие осколки
Разбившегося когда-то зеркала,
Они и похожи и неповторимы.
Я пытаюсь собрать их в зеркало
новое,
Чистое и бездонное,
Чтобы однажды посмотреть в него
И увидеть...
Но я привык ударяться лбом
О бетонные столбы
И дорог мне раздающийся
Со всех сторон смех.

* * *

Как тюльпан, о земле забывший,
Подружившийся с облаками,
Я не знал, поутру раскрывшись,
Что ломают цветы руками.

Миром карликов и теней,
Где цыганка лгала и пела,
Прокатилась телега дней,
Промармыжила как сумела.

Я в спокойных домах не жил,
Не купался в рассветных росах,
Отторгающе не любил
Грязь, налипшую на колёса.

Будто посланный в Колизей,
Я в сердцах забывал о Боге,
Неслучайных терял друзей
И не раз подводил итоги.

Я устал от проблем

Я устал от проблем,
От обид и разлук.
Мне б встряхнуть этот плен,
Оглядеться вокруг.

Мне б свободы глоток
Полной грудью испить.
Мне б в назначенный срок
И понять и любить.

Но рассеялся в прах
Счастья призрачный лик,
Но свинцом на губах
Безысходности крик,

И не сбросить никак
Одиночества пут,
Беспросветных, как мрак,
И часов и минут.

Видно, уж суждено
Мне играть эту роль,
Пить печали вино,
Беспощадную боль.

Видно, бес неземной
Надо мной ворожит,
Серый дождь проливной
Вместо солнца сулит.

Только в сердце моём
Есть святые слова,
Ведь под серым дождём
Зеленеет трава.

Только снятся порой
Мне волшебные сны,
И, как прежде, весной,
Мои чувства сильны.

И быть может, шальной
Вновь блеснёт из-за туч
Над моею судьбой
Солнца летнего луч.

Элегия

(автопортрет)

По этой лестнице манящей
Привычно я иду по краю.
Любви былой и настоящей
Цветы желанные срываю.

Ещё далёк от седины,
Торгуюсь с вечными цветами.
Смотрю на миг со стороны
Раскрепощёнными глазами.

И, преуспев в вопросах торга,
Живу без денег, без жены,
Всё жду пьянящего восторга
От первозданной тишины.

Ведь, от любви недолго пьян,
Я видел в вечности изъян.
Я помню, лестницы провал
Был снегом белым занесён,
И не спасён, и не прощён.
На эту память наступал
Я много раз.

Мне страшно было и смешно,
Когда с ветрами заодно
Я падал в бездну неумело,
Бледнело солнце, и местами
Земля менялась с небесами
В каком-то танце ошалелом,
Секунды грезились веками,
И воздух я хватал руками,
Забыв о Боге.

Взлетали ангелы, как тени,
Над бесконечностью ступеней
То в суете, то между делом,
Напоминали дней разбег,
И белый снег, и белый снег,
И кровь на белом.

Весною тени по болоту
Бредут наивной чистотой,
Не отторгая позолоту,
Сияет грешник, как святой.

Кресты, пленённые ветрами,
Не зная радости иной,
Владеют вечности чертами.
Но боль со мной и Бог со мной.

Непостоянностью святыни
И провиденьем выбран я
Стопами брэнности босыми
Пройти по грани бытия,

Пред усыпальницей обрящей
Закончить начатую речь
И о закат, во мгле горящий,
Стопы босые не обжечь.

Не видеть зла, не слышать стона,
Забить былую повседневность.
Ведь я не жил, я видел сон,
Я видел сон, был сладок он.

*Чтобы жить, нужны солнце,
свобода и маленький цветок.*

Г.Х. Андерсен

ТРЕВОЖНЫЙ РАССВЕТ

Венок сонетов

1

Луна ли вспомнит молчаливая
Земной рассвет седьмого дня,
Где тишина необозримая
Страшилась слова и огня,

Где красотой стихосложения
Никто не может упрекнуть
Того, кто создал вечный путь
В несовершенности творения,

Где, воспалённый размышлением
О непрестанности живой,
Мечтой калённый и сомнением,

Взращённый далью ветровой,
Казался призрачным знамением
Неутомимый волчий вой?

2

Неутомимый волчий вой,
То жалобный, то устрашающий,
К душе взывая мировой,
Брегам забвения внимающей,

Терзал предутреннюю мреть
Надрывной ощупью встревоженной,
Тоской, отныне приумноженной,
И не боялся умереть.

Всё умирает, ну и пусть.
Звезда рассвета златогривая,
Скрижали зная наизусть,

Зовёт от века, сиротливая.
Её пророческую грусть
Поймёт ли роза горделивая?

3

Поймёт ли роза горделивая,
В святом возвращённая саду,
Что благодать неприхотливая
Цветёт у счастья на виду?

Самим садовником ухоженный,
Её породистый уют
Порой за деньги продают
Толпе безликой и восторженной.

Скрывая истину бумажную,
От безысходности самой
Она, красивая и важная,

Она, воспетая молвой,
Не принимает в душу праздную
Цветок неброский полевой.

4

Цветок неброский полевой
На страже радуги восторженной,
Водой умывшись дождевой,
Пронзает нежностью взъерошенной

Непозволительную глушь
С её некошеными травами,
С её медовыми забавами
В стране нестарящихся душ.

Здесь жизнь становится игрой,
Простором метится мгновение,
Здесь страсть, сокрытая чадрой,

И тайна в ней и откровение.
Здесь просыпается порой
Неодолимое волнение.

5

Неодолимое волнение
Любви, не знающей границ,
Необъяснимое рождение
Незабываемых страниц,

Где светел ангел, проливающий
Пред сонмом кающихся свет,
Где славен пламенный рассвет,
Неповторимостью пленяющий.

Его весёлым возбуждением
Звенит залётная оса,
Его натружена значением

Зари нагая полоса.
Она огнём, как наваждением,
Перелопатит небеса.

6

Перелопатит небеса
Надежды трепетной дыхание,
Её цветные паруса,
Венчая своды мироздания,

Роднят два слова: «ты» и «я».
Всё там, где светится знамение,
Всё там, где нежность и прощение
Врачуют раны бытия,

Молитва где замрёт заветная
На строгой бледности листа,
Как сокровенность незаметная,

Где твёрдо верят в чудеса
Заря, сонетами воспетая,
И предрассветная роса.

7

И предрассветная роса
По воле некой неосознанной
Пленит земные голоса
В ночи, безгрешностью встревоженной.

Она звездой озарена,
У ней особые условия,
Ведь серебрит её безмолвие
Неповторимая луна.

Но меркнут луны иногда,
Грозы случается рождение,
Где гром гремит, ревёт вода,

Где мыслей странных наваждение
И знамя молнии когда
В траве блеснёт, как озарение.

8

В траве блеснёт, как озарение,
Душе доверится простой
Ночной звезды стихотворение,
Далёкий образ и святой.

Не обедняя вязь словесную,
Росы серебряная пыль
Творит восторженную быль,
Мечту земную и небесную.

По воле мага неприметного,
Что тайной бредит вековой,
Как выступления балетного,

Она жар-птицей огневой
Дождётся знака предрассветного
И отзовется синевой.

9

И отзовется синевой,
Пугая крашенных и ряженных,
Напев вселенский лиховой
В словах окрепший недосказанных.

Слова и музыка нетленные –
Они наездники ветров
И в параллельности миров
Они как будто незабвенные.

В них колокольный мерный звон.
Свое венчая восхождение,
Он отражается, как стон.

И сам не верит в отражение,
Где будто жизнь, где будто сон,
Закат огня и воскрешение.

10

Закат огня и воскрешение,
Как нескончаемую весть,
Нам посылает провидение,
Но трудно истину прочесть,

Не проникая в размышление
Неувядаемой строки,
В нелепом росчерке руки
Судьба скрывает озарение.

Вот и остужена ветрами
И лицемерностью кривой
Душа, возвращённая стихами.

Вот звёзды вечности самой
Молчат над степью и холмами,
Как будто стелются травой.

11

Как будто стелются травой
Зелёных грёз ветра бессонные,
Не поросли лихой молвой
Дороги, в небо устремлённые.

Ещё в преддверии пути,
Скорбя о вечности утраченной,
На голос вещей нерастраченный
Так нелегко порой идти.

За повседневностью сквозной,
Где прижилось надежд скрещенье,
В ступенях лестницы резной,

Напоминающих прозрение,
Где дышат брэнностью земной
И синева, и чувств цветение.

12

И синева, и чувств цветение –
Как нераздельные миры.
В них золотое отражение
Какой-то трепетной игры,

Судьбы, что манит искушением,
Звездой, мерцающей во мгле,
Всех вопиющих на земле
И всех терзаемых сомнением.

Её безликий и подержанный
Листаю триптих роковой
И, состраданию подверженный,

Делю я с далью полевой
Цветок, богемою отверженный,
И голос тот предгрозовой.

13

И голос тот предгрозовой
В наивной поступи молитвенной
Восходит дрожью громовой
До откровенности пронзительной.

Он не нуждается в слезах
Седого лика боголепного,
У откровения ответного
Немного истины в глазах.

Воспринимая как курьёз
Миров нетленных отторжение,
Он верит: в шорохах берёз –

Всему земному продолжение,
Ведь не рождается без грёз
Души открытое томление.

14

Души открытое томление,
Что возвеличило рассвет,
Благословляя вдохновение
На ослепительный балет,

Крылами, радугой краплёнными,
Затрепетало надо мной,
И озарился путь земной
Стихами, в муках зарождёнными.

А в прозе странности дневной,
Как эти строки, прозорливая,
Пересекается стеной

Простора речь неторопливая,
Та, о которой в час иной
Луна ли вспомнит молчаливая?

15

Луна ли вспомнит молчаливая
Неутомимый волчий вой,
Поймёт ли роза горделивая
Цветок неброский полевой?

Неодолимое волнение
Перелопатит небеса,
И предрассветная роса
В траве блеснёт, как озарение.

И отзовётся синевой
Закат огня и воскрешение,
Как будто стелются травой

И синева, и чувств цветение,
И голос тот предгрозовой,
Души открытое томление.

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

Качели

Держусь я за жизнь,
Как за Божьи колени,
С восторженным миром
Мне рано прощаться.
На звездных качелях
Из света и тени
Я буду, как в детстве,
Сегодня качаться.

Огромное небо
И ветер навстречу,
Пьянеет душа,
Обретая свободу.
Не знает планета,
Где утро, где вечер –
Иные закаты, иные восходы.

У каждой минуты
Свое откровенье:
В назначенный срок,
Замирая рождаться,
Смешные качели –
То взлет, то паденье –
Над странною бездной
Дано им промчатся.

След

Мысль поёт в голове,
Или мечется бред –
След ноги на земле,
Мной оставленный след.
Ни вопрос, ни ответ.
Чередой ли беда –
Плыл к закату рассвет
Без следа, без следа...

Весна

К нам весна пришла без помарок.
Все мосты зимы сожжены.
Принимая жизнь как подарок,
Откровенье дня знаем мы.

Новым солнышком даль согрета,
Соловей поет золотой.
В доме стареньком много света
И любовь дана нам с тобой.
Лире Божьей она внимает,
И совсем не ее вина,
Что покоя порой не знает
Несказанная тишина.

Вот калины куст в танце с ветром
Отражается в двух сердцах,
Вот черемуха в платье светлом
В обе стороны от крыльца.

Будто дивный свет
К нам сошедший,
Будто грозный мир стал добрей,
Аромат ее сумасшедший
И в твоей судьбе и в моей.

ПРОЗА

Карусель

*Солнце взойдет – я увижу дорогу,
Только б не знать, что она в никуда,
Только б любить одинокого Бога,
Только бы петь, как живая вода.*

Елена Казанцева

У каждого времени года свое предназначение, и здесь, среди березок и сосен средней полосы, окруженных полями и дорогами, я живу и катаюсь на карусели времени. Я радуюсь первому снегу, я не представляю своей жизни без морозов и сугробов, без монотонной, но все же желанной зимы.

Про все времена года так много было сказано до меня великими художниками слова, поэтами и прозаиками и, может быть, потому я почти ничего не пишу. Я просто катаюсь на карусели времени. И весна, долгожданная и мятежная, все же приходит ко мне, она не может не прийти, ведь за ней всегда бывает лето... В

земном году всего лишь 365 дней, но каждый из 92-летних дней мне особенно дорог. Мне кажется, что моя карусель в эти долгие солнечные дни вращается быстрее, и я не успеваю оглянуться, как приходит осень.

Вот и сегодня, в один из октябрьских дней, среди березок и сосен, мы идем по лесу. Мы – это Я, мужчина средних лет, в ранней юности потерявший зрение в результате железнодорожной травмы, и мой младший брат, беспробудный пьяница и хулиган. Он ведет меня за руку, вернее сказать, это я держусь за его руку, потому что так для меня гораздо проще и удобнее. В другой руке у меня пластиковый пакет, наполненный собранными в этом лесу грибами. Брат находится в привычном для него пьяном состоянии. Он шатается из стороны в сторону, спотыкается о пни и поваленные деревья, иногда падает, сопровождая свои падения матерной бранью. Я помогаю ему подняться, и мы идем дальше по давно знакомым нам грибным местам. Осенний

ветер шатает деревья. Еще не опавшей, но уже пожелтевшей листвой шелестят березы. Неподалеку от нас скрипит высокая и кряжистая, но еще не старая сосна. То отдаленный, то приближающийся с порывами ветра, до нашего слуха доносится стук дятла. Мы останавливаемся и прислушиваемся. Брат закуривает и осматривается по сторонам. От опавших листьев и многолетней хвои, покрывающих землю, у него рябит в глазах. Но все же он замечает неподалеку от скрипящей сосны едва приметный бугорок. С волнением и надеждой заядлых грибников мы подходим к нему, приседаем на корточки, и размашистым, пьяным движением брат кладет мою руку на замаскированный под вездесущей хвоей боровик. Осторожным касанием чутких пальцев я освобождаю его шляпку от спрессованных в защитную крышу иголок и шишек, провожу рукой по упругой, изогнутой, расширяющейся к земле ножке гриба, и у самого основания срезаю ее только что поданным мне моим братом ножом. За-

тем мы встаем и восторженно любимся удачей. Я держу боровик в раскрытой ладони, мы вдыхаем его грибной, замешанный на земле и соснах, и ещё на чем-то еле уловимом и непонятном, запах. Я говорю брату:

– Он потянет граммов на шестьсот.

– Не меньше килограмма, – отвечает мне брат, прикрывая грибницу, и продолжает, привычно затягиваясь раскуренной сигаретой, — Надо покружить по этому месту. Один он здесь расти не мог – может быть, еще что-нибудь найдем.

Размеренно и не спеша мы прочесываем близлежащий участок леса, включая маленькую поляну, и ничего не находим. Брат нагибается к земле, тушит в неглубокой канаве докуренную сигарету, выпрямляется и быстрым шагом, почти не шатаясь, идет дальше. Натыкаясь на суки и сосновые ветки, я едва успеваю за ним. Под напором моего тела некоторые из них ломаются, иные же, упруго прогибаясь, обильно посыпают мою голову пересохшей корой и хвоей. В этот момент

мой брат останавливается – с той же поспешностью останавливаюсь и я.

– Ты едва не наступил на гриб! – говорит мне брат. И вот еще один боровик оказывается в моем пакете.

– Здравствуй, Василий Иванович, – вдруг слышим мы чей-то низкий, немного охрипший мужской голос. Мой брат обращается и видит на соседней просеке неподалеку от нас знакомого односельчанина. Он так же, как и мы, собирает грибы. Мы подходим к нему, и односельчанин здоровается с моим братом за руку. На меня он не обращает никакого внимания, будто бы меня и вовсе нет. Почему-то многие полноценные люди не считают меня за человека. За многие годы слепоты я привык к такому отношению и в свою очередь не обращаю внимания на встретившегося нам грибника.

Мой брат разговаривает с односельчанином о погоде, о грибах. Я же стою неподалеку и прокручиваю в своей памяти, как молитву, недавно написанный мной сонет:

И отзовется синевой,
Пугая крашенных и ряженных,
Напев вселенский лиховой,
В словах окрепший недосказанных.

Слова и музыка нетленные –
Они наездники ветров,
И в параллельности миров
Они как будто незабвенные.

В них колокольный мерный звон,
Свое венчая восхождение,
Он отражается, как стон,
И сам не верит в отражение,

Где будто жизнь, где будто сон,
Закат огня и воскрешение.

Прокручиваю и не знаю, что моего брата уже поцеловала вечность. Я еще не знаю, что она, Вечность, в назначенный срок уже повесила ему на грудь, как неприметный талисман, эти потертые временем золотые ключи от неба. И в тот же момент, будто бы проснувшись от забытья, я слышу, как мой брат и знакомый односельчанин снова закуривают и, перед тем, как расстаться, еще разжимают друг другу руки.

И вот мы снова идем по лесу, собираем грибы; пересыпая тишину бестолковым карканьем, над нами пролетает одинокая ворона, других птиц почему-то не слышно. Под тяжестью собранных грибов ручки моего пакета, угрожая порваться, вытянулись. Я говорю брату:

– Пойдем домой.

Слегка протрезвевший, он соглашается:

– У меня дома есть немного выпить, – говорит мой брат, – сегодня я ходил к одной бабке за самогоном. Ребята пошли до меня – она им не дала, я же пошел после них и взял литру. Ребята не умеют просить. Бабы жадные, сколько бы у них денег ни было, им всегда мало. Я зашел во двор, прошуршал перед бабкой деньгами, и сердце у нее екнуло.

Через несколько минут мы пересекаем лесную опушку и берем направление к нашему родительскому дому.

Мы родились и выросли в этом селе, в этом доме. Мы любим природу и землю. У меня нет зрения и поэтому мне удобнее жить в городе. Но время от времени я сажусь в пригородный автобус и приез-

жаю в то село, где родился. Иногда, когда бывает трезвый и не путает дни недели, мой брат встречает меня на остановке. Но сегодня утром меня никто не встретил, и я самостоятельно добрался до дома с помощью вот уже много лет верной мне трости.

А сейчас, в ясный осенний полдень, мы, выйдя из леса, пересекаем неширокую шоссеиную дорогу и быстрым уверенным шагом идем по нашей улице.

– Дядя Вася! – кричат моему брату соседские мальчишки. – Расскажи нам, где ты находишь столько грибов?!

– В лесу, ребята, в лесу, – не останавливаясь и не сбавляя шага, отвечает мой брат и продолжает, уже ко мне: — Они думают, что я знаю какое-то заколдованное грибное место – приду к нему, нагребу полные пригоршни грибов, наполню ими пакет под самую завязку и снесу домой.

По знакомым с детства ступеням мы заходим в дом. Я кладу грибы в холодильник, а мой брат достает из заначки бутылку и наливает себе очередной стаканчик, присаживается за стол. Над его

головой висит почерневшая от времени икона, с привычным и понятным для нас ликом, изображающим Бога...

– Все путем, – говорит мой брат и с удовольствием выпивает самопальную водку. Я же выхожу на улицу, сажусь на ступеньках крыльца и слушаю, как поют соседские петухи.

Так устроено природой – нам не дано знать ни дня своей смерти, ни дня смерти близкого человека, и потому сейчас я еще не ведаю о том, что пройдет совсем немного времени, и в один из декабрьских дней, стремительно приближающихся к Новому, 2007 году, мой брат умрет от передозировки алкоголем. Теперь же я сижу на ступеньках крыльца, и неотвязные, неустанные мысли все повторяются в моей голове: о том, как вращается, кружится моя карусель, о том, как бестолково проходит жизнь и еще о том, как кто-то когда-то много веков тому назад начертал на простом пергаменте неподверженные забвению слова:

«Не жизнь проходит, проходим мы!»

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРАВЛИ НАД РОССИЕЙ

Журавли над Россией	6
Не путаться у власти под ногами	7
Пушкину	8
Я о тебе, Россия, загрустил	9
Я ещё не достоин твоих сыновей	10
Откровение	11
Снова карты разбросаны	12
Город мой	14
Лермонтову.....	15
Прохоровское поле	16

ЛИШЬ ОДНАЖДЫ

Детство моё деревенское	18
В заброшенном саду	19
Меж домом и школой	20
Подаяние	21
Щенок двух месяцев, дворняга	22
Вы были когда-то зелёными, листья	24
Лишь однажды	26
Весна	28
Осень	29
Ненапоенная корова	30
У метелицы моей	32

ЗЕРКАЛО

Я дойду до тебя	34
Кругом вода	35
Лето остыло	36
Пусть будет любовь твоя неустанной рекою	37

Первый снег	38
Фата багряная осыпалась	39
Зеркало	40
Прощайте, сны мои	41
Ты бродила по берегу моря	42
Мне приснится..	44
О нас двоих одна молва	45
От судьбы не отступишь	46

ВЕЧЕР И МОРЕ

Этим летом памятным	48
Свои одежды неторопливо сжигает вечность	49
Золотые несутся сани	50
Это во мне бьётся сердце Вселенной	51
И снова разум	52
Кто примет, кто поймёт..	53
Одиночество	54
А на той стороне реки	55
Небо	56
Рампы свет потревожил сцену	57

Два города	58
Просыпана по ангельскому следу	59
Понятной дорогой к Богу	60
Снегопад	61
Мороженого стаканчик	62
Я душу износил	63
Когда в глазах моих усталость	64
Молитва	65
Слепые кони	66
Тишина при свечах	68
Посвящается... ..	70
На скрещенье надежд	71
Олень Золотые Рога	72
Хлеб, который я купил в киоске	74
Вечер и море	76
Печалью счастье отзовется	77
Я прошу, поднимите занавес	78
Тихий подмосковный городок	80
Время – оно течёт незаметно	82
Как тюльпан, о земле забывший	83
Я устал от проблем	84
Элегия (<i>автопортрет</i>)	86

ВЕНОК СОНЕТОВ

Тревожный рассвет 89

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

Качели 106

След 107

Весна 108

ПРОЗА

Карусель 110

Литературно-художественное издание

Сергей Дровников

КАРУСЕЛЬ СУДЬБЫ

В авторской редакции
Составитель сборника Тамара Гелашвили
Вёрстка – Пётр Гасев
Корректор Анастасия Ряполова

Издательство «РОСА»
Российское общество современных авторов
Главный редактор - С.В. Галиченко (т. 8 905 675 80 75)

e-mail: 885533@mail.ru <http://art-rosa.ru>

Формат 60x84 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура Garamond.
Усл. печ. л. 3,60. Тираж 125 экз.
Подписано в печать 13.02.2016 г. Заказ № 32.
Отпечатано в типографии «Квадрат».
309504, Белгородская обл., г. Старый Оскол,
пр-т Комсомольский, 73.